

ее-то, Сенто, самую чистоплотную женщину в Париже. Бедная помешанная сказала ей: «Я видела давеча женщину, которая столь же несчастна, как я; она уже в годах и вышла вторично замуж за молодого человека, который с ней грубо обращается». — «Странно об этом слышать! — говорит подруга, — эта женщина наказана за свое безумство». — «Вот за это-то, — отвечает покинутая любовница, вся в слезах, — ее мужу и надобно любить ее еще сильнее, ибо те, ради коих мы совершаем безумства, должны быть вечно у нас в долгу». И она продолжала отстаивать эту нелепую мысль в течение всей беседы.

Остальные подробности этой истории придется отнести к концу нашего рассказа, поскольку мы несколько забежали вперед.

Вуатюр ухаживал также за г-жою де Лож, маркизой де Сабле и другими. Г-жа де Лож любила его: она первая начала писать стихотворение с рифмами на *-lige*, которое затем стало называться «Портретом жалостного Вуатюра», ибо у него всегда был насморк и он беспрестанно жаловался и всех решительно жалел. Кэтим стихам что-то добавил г-н де Рамбуйе, а в 1633 или 1634 году кто-то приписал к ним еще несколько оскорбительных строк на ту же рифму, на что Вуатюр сетует в письме к Костару. Что до меня, я склонен думать, что строки эти добавил покойный Мальвиль: помимо того что они написаны в его манере, впервые сообщила мне о них женщина (м-ль Верон), с которой Мальвиль был весьма дружен. Она прочла мне их наизусть, поскольку тщательно заучивала все, что он писал; в этих стихах, кстати, говорится о Вуатюре:

Он Александр в архитектуре
И он же Демосфен в скульптуре и т. д.

Эта дама, притязавшая на остроумие и начитанность, говорила так:

Он Демитер в архитектуре.

Вуатюр был росту небольшого, но ладно сложен и хорошо одевался; когда ему случалось бывать среди незнакомых людей, он почти всегда молчал. Однажды д'Абланкур спросил у г-жи Сенто еще в ту пору, когда она была в своем уме, чем ее пленяет человек, столь неразговорчивый. «Ах, — отвечала она, — он бывает так мил с женщинами, когда захочет!». Но даже в том обществе, где он хотел нравиться, он далеко не всегда бывал одинаков и нередко витал в облаках, это с ним вообще часто случалось. Когда Вуатюр бывал удручен, он тем не менее появлялся в обществе, но был очень скучен и, можно сказать, порою становился всем в тягость. Иной раз Вуатюр бывал столь бесперемежен, что однажды, желая отогреть ноги, он в присутствии принцессы де Конде снял свои калоши. Уже достаточно бесперемежным было то, что он в них ходил; но, право же, такое поведение — единственный способ заставить вменитых господ считаться с тобой: мы увидим дальше, что он и разговаривал